

УДК 338.2

ДЕТЕРМИНАНТЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ И СПЕЦИФИКА ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ НА СУБНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Молодых В.А.,

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации, Санкт-Петербург,
email: v.a.molodykh@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены детерминанты теневой экономики: экономические факторы рационального выбора, представляющие собой поиск компромисса между издержками и выгодами от несоблюдения требований; социальные нормы и культура, представляющие собой неотъемлемую часть теневой экономики, влияние которой в России особенно велико на субнациональном уровне. Результаты исследования показали, что когда экономические и неэкономические стимулы совпадают, то это приводит к резкому росту масштабов теневой экономики, обеспечивая формирование устойчивых трендов. В этой связи решение проблем, связанных с неформальной активностью и уклонения от уплаты налогов требует координации действий органов государственной власти для реализации комплексной программы детеневилизации экономики российских регионов.

Ключевые слова: теневая экономика, уклонение от уплаты налогов, налоговая мораль, рациональный выбор, налоговое администрирование.

DETERMINANTS OF THE SHADOW ECONOMY AND THE SPECIFICS OF THEIR MANIFESTATION AT THE SUBNATIONAL LEVEL

Molodykh V.A.,

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
St. Petersburg,
email: v.a.molodykh@yandex.ru

Abstract. The article examines the determinants of the shadow economy: economic factors of rational choice, which represent a search for a compromise between the costs and benefits of non-compliance; social norms and culture, which are an integral part of the shadow economy, the influence of which in Russia is especially great at the subnational level. The results of the study showed that when economic and non-economic incentives coincide, this leads to a sharp increase in the scale of the shadow economy, ensuring the formation of sustainable trends. In this regard, solving the problems associated with informal activity and tax evasion requires coordination of actions by public authorities to implement a comprehensive program for the detenevization of the economy of Russian regions.

Keywords: shadow economy, tax evasion, tax morality, rational choice, tax administration.

Теневая деятельность в настоящее время считается структурной особенностью российской экономики. Сложно дать точное и универсальное определение теневой экономики, но существует консенсус в отношении того, что она включает в себя всю легальную деятельность, результаты которой не декларируются в соответствующие налоговые органы [5]. Как следствие, неофициальную работу и теневую экономику можно рассматривать как частный случай неформальной активности, проявляющийся в уклонении от уплаты налогов.

Это явление характерно для всех стран, но между ними существуют важные различия. В случае с развитыми экономиками, теневая экономика занимает небольшую долю в ВВП, но в абсолютных значениях представляет собой большую величину и измеряется сотнями миллиардов долларов. Для развивающихся стран характерна противоположная ситуация. В странах Западной Европы теневая экономика во многом связана с сильным компонентом потребления, в то время как в Центральной и Восточной Европе гораздо более распространены неофициальная занятость и занижение доходов.

Различаются и мотивы несоблюдения налогового законодательства: желание снизить уровень цен на товары и услуги стимулирует неформальную занятость, а уровень социального доверия, культурные нормы и восприятие справедливости налоговой системы могут способствовать как максимизации, так и минимизации масштабов теневой экономики.

Несмотря на экономическую значимость, исследования теневой экономики и уклонения от уплаты налогов преимущественно ограничены исследованиями поиска адекватных методик оценки масштабов теневой экономики или детерминант уклонения от уплаты налогов [6]. При этом почти отсутствуют исследования касающиеся понимания механизмов их распространения. Методы, традиционно используемые для оценки неформальной активности, делятся на две основные категории:

- анализ и сравнение совокупных макроэкономических данных, такой подход приводит к завышению оценок и не позволяет провести тщательную оценку социально-экономического контекста на субнациональном уровне;
- опросы, данный подход приводит к занижению масштабов теневого сектора экономики, особенно в развивающихся странах.

Негативные эффекты, связанные с теневой экономикой весьма высоки, и не связаны только с уклонением от уплаты налогов. Неформальная экономика также искажает официальную статистику, что может привести к ошибочной экономической и социальной политике государства. Отсутствие точной информации в распоряжении органов власти может сделать процесс принятия решений произвольным.

В Российской Федерации, если рассматривать субнациональный уровень, то можно отметить высокую асимметрию между формальными и неформальными институтами, особенно в депрессивных субъектах РФ. Неформальные правила продолжают адаптироваться к меняющимся условиям социально-экономического развития регионов, что губительно не только для региональных бюджетов, но и для предпринимательства, так как в конечном итоге уклонение от уплаты налогов неизменно подрывает экономический рост [7]. Данный разрыв также оказывает крайне негативное воздействие и на уровень экономической безопасности страны, так как девиантный сектор теневого предпринимательства приводит к серьезным искажениям динамики рынка [2].

По своей сути предпринимательство представляет собой деятельность с высоким уровнем риска. В случае с Россией основной негативный эффект заключается в том, что теневая экономическая активность может исказить традиционные отношения к восприятию риска и вознаграждения [1]. В случае ухода в тень российский предприниматель, которому не хватает экономических активов и возможностей для развития, покупает своего рода «опцион колл», премия которого представлена ожидаемыми санкциями, которые он понесет в случае его обнаружения. Таким образом, бизнес-риск хеджируется и заменяется административным риском,

а основная часть негативных внешних эффектов перекладывается на плечи добросовестных налогоплательщиков.

В соответствии с этим, в статье будут рассмотрены детерминанты теневой экономики:

- экономические факторы рационального выбора, сделанного экономическими агентами в результате компромисса между издержками и выгодами от несоблюдения требований.

- социальные нормы и культура, представляющие собой неотъемлемую часть теневой экономики, влияние которой в России особенно велико на субнациональном уровне.

По итогам анализа будут сделаны выводы о возможности противодействия увеличению масштабов теневой экономики на основе стимулирующих мер, способствующих росту налоговой морали в обществе, и мер повышения эффективности налогового контроля, повышающих издержки нарушителей законодательства.

Материалы и методы

В ряде российских регионов имеется сильная культурная традиция, которая характеризуется низким уровнем социального доверия, имитацией соблюдения законодательства и стремлением к конформизму в сочетании с очень сложной системой социальных норм и сложившихся в обществе стереотипов поведения. Хроническое отсутствие доверия и склонность отвергать любую форму власти является одной из причин низкого уровня социально-экономического развития данных регионов и максимально высоких масштабов теневого сектора экономики.

Первоначально считалось, что уклонение от уплаты налогов является результатом рационального и корыстного принятия решений [8]. Это нашло свое отражение в модели преступности, предложенной Беккером. В соответствии с ней экономические агенты — это минимизаторы издержек, которые проводят сравнительную оценку налогового бремени, вероятность быть пойманным и альтернативные издержки, которые соответствуют потерям, возникающим в результате применения санкций.

Эта модель подвергалась критике со всех сторон, особенно в отношении серьезных преступлений, которые являются результатом девиантного поведения и легче объясняются социально-психологическими, а не экономическими факторами [11]. Нет сомнения, что эта критика справедлива, но в случае экономических преступлений, таких как уклонение от уплаты налогов, объяснение, основанное на анализе затрат и выгод, имеет больше смысла. Совершенно другой вопрос, является ли преднамеренный расчет затрат и выгод сам по себе признаком девиантного поведения, но в любом случае он не исключает главного экономического аргумента о рациональном выборе.

Здесь следует упомянуть аргумент о том, что экономические преступления, в частности, очень чувствительны к характеру и силе наказания, налагаемого с целью ограничения их совершения. Подход «кнута и пряника» к обеспечению соблюдения законодательства и повышению уровня налоговой дисциплины представляет собой неоднозначную картину и, в конечном итоге, может иметь негативные последствия, приводя к росту числа нарушений.

Теоретически административные и денежные штрафы представляют собой хороший инструмент, но только в условиях идеальной рыночной среды с чистой

конкуренций. При наличии асимметричных контрактов они могут привести к неожиданным и противоречивым результатам. Подход, основанный исключительно на стимулах к соблюдению и санкциях за несоблюдение для решения проблемы, подпадает под структуру так называемого «равновесия пула» и поляризует индивидуальное поведение: полностью соблюдать или полностью не соблюдать налоговое законодательство.

Такой подход в той или иной степени представляет уклонение от уплаты налогов как эквивалент участия в незаконной азартной игре с высокой неопределенностью. Это явно упрощенная картина, лишенная реализма и не способная анализировать промежуточные стратегии между соблюдением и несоблюдением законодательства. Также существует варианты добровольного соблюдения даже в случае наличия неэффективных механизмов обнаружения или слабых санкций, которые не могут объяснить такой выбор моделью рационального поведения. И наоборот, существует множество случаев несоблюдения требований даже при наличии высокой вероятности выявления факта уклонения от уплаты налогов и жестких наказаний.

К массиву косвенных экономических факторов следует также добавить переменные, такие как сложность налогового кодекса, качество государственных услуг и доверие к органам власти. Учитывая нелинейное взаимодействие всех этих факторов, иногда трудно определить наилучшее сочетание экономических стимулов и правоприменения, которое привело бы к минимизации динамики уклонения от уплаты налогов.

В данном контексте Россия представляет собой интересный пример, поскольку в стране существует значительная дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития, довольно сложное налоговое регулирование и система правосудия, которую критикуют за коррумпированность и неэффективность. Судя по экономическим факторам, существует сильный стимул для уклонения от уплаты налогов и несоблюдения налоговых требований, а альтернативные издержки игры по правилам могут быть значительными в субъектах РФ, где доход на душу населения является низким.

В таких регионах, как правило, неформальная занятость характеризуется нарушением трудового законодательства, частично или полностью незарегистрированной или замаскированной фиктивными договорными отношениями, чтобы скрыть реальное количество отработанного рабочего времени. Самой популярной схемой остается выплата заработной платы «в конвертах», когда с работником заключается законный трудовой договор, соответствующий действующему законодательству, в котором указывается минимальная заработная плата, разрешенная законом. В действительности юридический договор дополняется неофициальными условиями трудоустройства, основанными на устных договоренностях между работодателем и работником, когда работник получает значительную сумму заработной платы неофициально, которая не декларируется и, следовательно, не облагается налогами.

Интересные выводы были получены Г. Ричарсоном, который установил, что состоящие в браке люди с меньшей вероятностью участвуют в неформальной занятости, однако по мере увеличения размера семьи ситуация меняется. Фактически вероятность поиска дополнительной работы в теневом секторе растет прямо пропорционально количеству детей в семье [12]. Это имеет экономический смысл, поскольку затраты на воспитание ребенка гораздо более значительны и растут быстрее, чем налоговые льготы на детей, семейные пособия и субсидии, предоставляемые государством.

Статистика теневой экономической активности в отраслевом разрезе также подтверждает важность экономических факторов. Минимальные масштабы теневой экономики зафиксированы в финансовом секторе и топливно-энергетическом комплексе, то есть в тех отраслях экономики, где уровень официальных заработных плат, как правило, высок и велика доля крупных корпораций. В России это также одни из наиболее жестко регулируемых секторов экономики, где существует множество сдержек и противовесов, что упрощает выявление и обеспечение соблюдения законов. Также следует учитывать, что характер экономической деятельности накладывает естественное ограничение на виды услуг, которые могут предоставляться неформально. Например, неофициально предлагать услуги мелкого ремонта или туристические услуги легко, крайне маловероятно предложить неофициальные банковские услуги или услуги ипотечного кредитования без большой и хорошо организованной инфраструктуры. Поэтому очевидно, что наиболее склонны к теневой активности те, кто работают в строительстве, сельском хозяйстве и сфере услуг.

Сельское хозяйство является хорошим примером, где широко практикуется сезонная занятость, неполный рабочий день и неформальный труд, поскольку выявление таких случаев очень затруднено из-за характера работы и, что более важно, из-за низкого уровня оплаты труда. Сельские территории в России характеризуются крайне низким уровнем жизни, что приводит к трудовой миграции в городские центры, уровень образования в АПК также крайне низкий, как и оплата труда. В результате затраты на официальный найм работников и соблюдение норм трудового законодательства, часто превышает вознаграждение и другие экономические выгоды, получаемые от самой работы.

Уровень образования является еще одним фактором, определяющим склонность искать неформальную работу и/или уклоняться от уплаты налогов. Лучшее образование означает более высокую вероятность игры по правилам, так как хорошее образование увеличивает шансы трудоустройства на более высокооплачиваемую работу, что снижает стимулы к поиску неформальной занятости и дополнительного дохода.

Результаты и обсуждение

Хотя экономические факторы, как обсуждалось ранее, крайне важны, они не дают полной картины теневой экономики и уклонения от уплаты налогов. По-прежнему существует значительный разрыв между налогово-бюджетной политикой и режимами правоприменения, с одной стороны, а также субъективным восприятием справедливости налоговой системы с другой. Имеет смысл выйти за рамки экономических и финансовых переменных, поскольку люди не являются изолированными субъектами, чье поведение определяется исключительно рациональным выбором. Диапазон неэкономических факторов огромен и имеет значительную глубину и широту, включая личные ценности, отношения, восприятия, социальные нормы, мораль, социальный капитал и политический режим, которые вместе образуют сложную сеть взаимодействий.

Социальные нормы, благодаря их общему взгляду на одобряемые действия в различных контекстах, выступают в качестве основных факторов, определяющих соблюдение налоговых требований или стратегию ухода в тень. Их влияние может быть внутренним (с точки зрения ценностей, связанных с честностью, справедливостью и правдой), так и внешним, отражая преобладающие взгляды на социаль-

ный конформизм. Полученные в результате такого анализа результаты можно ассимилировать с теорией перспектив, если рассматривать налоги как потенциальные потери и/или прибыли.

Существует важный вопрос, касающийся взаимосвязи между социальными нормами и подчинением: вызывают ли социальные нормы в определенной степени «уступчивое поведение» (не соответствующее предсказаниям рационального анализа) или выбор стратегии «уступчивого поведения» обусловлен распространением социальных норм? Большинство исследователей склоняются к тому, что такие отношения должны быть «улицей с двусторонним движением» [3]. Также полезно проводить различие между описательными нормами, которые определяют, что люди делают в среднем в конкретном контексте, и предписывающими нормами, которые очерчивают поведение, которое будет поощряться или осуждаться в более широком социальном контексте.

Если подходить с этой точки зрения, социальные нормы, обеспечивающие соблюдение налогового законодательства, следует рассматривать как описательные нормы, в то время как социальное обучение посредством наблюдения за поведением других людей, вероятно, относится к категории предписывающих норм.

Социальные нормы и усвоенные моральные привычки приводят к формированию доверия, поэтому более их высокий уровень может привести к снижению масштабов уклонения от уплаты налогов. Если уклонение от уплаты налогов можно рассматривать как индивидуальное решение, то теневая занятость рассматривается как игра, в которой участвуют как минимум два игрока: продавец и покупатель (неофициальной) рабочей силы. Здесь более высокий уровень социального доверия приводит к тому, что число занятых в теневом секторе экономики увеличивается. Более того, когда доверие сильно, но не выходит за рамки близкого окружения, результатом будет более низкий уровень доверия к государственным институтам, что также может быть катализатором, ведущим к росту масштабов теневой экономики. Это особенно хорошо видно на примере атомизированных обществ и экономик, в которых доминируют небольшие семейные предприятия.

Общепринятым считается, что Россия — это страна, где радиус доверия очень мал, а стремление к конформизму относительно сильно [4]. Это позволяет провести различие между сильной и культурной традицией неподчинения, проявляющейся как притворное подчинение, и феноменом «социального заражения». Низкий уровень социального доверия является результатом сложного комплекса исторических обстоятельств, в которых российская нация оказалась на протяжении последних двух столетий. Если принять во внимание повторяющуюся картину политических, экономических и социальных трудностей, неудивительно, что уклонение от уплаты налогов и уход в теневой сектор стало выходом для многих депрессивных российских регионов.

Динамика масштабов теневой экономики в разрезе субъектов РФ сильно дифференцирована, а ее последствия иногда бывают неожиданными. Поэтому это явление можно понять с помощью агент-ориентированных моделей (АОМ), которые предназначены для отражения именно такого нелинейного типа взаимодействия. При использовании АОМ моделей не обязательно делать жестких предположений о природе факторов (экономических, социальных, культурных или политических), а также о рационализации индивидуального поведения экономических агентов для понимания совокупного поведения системы. Существует целый ряд АОМ моделей,

но для моделирования динамики теневой экономики целесообразно использовать особый класс моделей, связанных с изучением языка [9].

По своей сути этот тип модели исследует, как свойства пользователей языка, то есть сетевых агентов, и структура социальных сетей могут повлиять на динамику распространения языка. Это особенно актуально в случае таких стран, как Россия, потому что динамика конформизма в депрессивных регионах сравнима с динамикой изучения нового языка в социальном контексте, в котором говорят на двух или более конкурирующих языках.

Чтобы адаптировать эту модель к пониманию процессов развития теневой экономики можно рассмотреть грамматику, используемую агентами, как эквивалент функций полезности:

- грамматика 0 — функция полезности, определенная в терминах неограниченной рациональности, которая связана с агентами, предпочитающими соблюдать законодательство;

- грамматика 1 — функция полезности, определенная в терминах ограниченной рациональности, которая принимает во внимание социальное соответствие и связана с агентами, предпочитающими не соблюдать законодательство.

В результате существуют два различных источника полезности:

- первый представлен соответствием желаемого образа действий предпочтениям индивида;

- второй представлен соответствием желаемого образа действий преобладающему социальному конформизму.

Данная АОМ модель позволяет исследовать механизм роста теневой экономики в случае, когда нарушение законодательства становится результатом соблюдения принятых в обществе стандартов или стереотипов социального поведения. Индивиды взаимодействуют друг с другом на основе шаблона имеющихся связей. Сеть формируется посредством преимущественного прикрепления: агенты входят в сеть один за другим и стремятся соединиться с теми, у кого существует много связей [10]. В социальном контексте такое поведение весьма интуитивно понятно, поскольку люди в целом стремятся к социальному признанию и членству в группах, которые являются основными и репрезентативными.

Данная модель может работать в трех режимах:

- режим 1 — индивидуальное поведение может существовать только в двух различных модальностях, и отдельные агенты переключают свое поведение между подчинением и уходом в теневой сектор в зависимости от специфики непосредственного индивидуального взаимодействия;

- режим 2 — отдельные агенты переключаются с одного типа поведения на другой только тогда, когда заранее заданная доля его соседей уже демонстрирует аналогичное поведение;

- режим 3 — выбор поведения не материализуется сразу, а проявляется в обновленной вероятности проявления того или иного варианта поведения. После получения информации от своих соседей склонность к соблюдению или неподчинению возрастает, так что рассматриваемый агент с большей вероятностью выберет доминирующую стратегию на следующей итерации.

Модель не допускает состояние обратной связи в режимах 1 и 2, что означает, что как только агент примет один из двух разрешенных типов поведения (соблюдать или не соблюдать), он не может переключиться обратно. Спорный вопрос,

является ли это реалистичным предположением, но было показано, что социальные нормы устойчивы и имеют тенденцию сохраняться в течение относительно длительных периодов времени.

Третий режим допускает введение параметра интенсивности α , используемый для моделирования выраженности социального конформизма и используется в логистической функции, используемой для моделирования принятия новой функции полезности. Параметр интенсивности α может принимать значения от 0 до 0,05 и становится активным только в случае активации логистической функции. Вместе они порождают предвзятость в пользу поддержки социального конформизма, то есть несоблюдение требований и ухода в теневой сектор экономики. По мере увеличения α агенты будут склонны принимать доминирующую социальную норму с возрастающей скоростью.

Размер сети, очевидно, влияет на скорость распространения социальных норм и культурных предубеждений, поэтому первоначальная доля агентов, не соблюдающих требования, и коэффициент заметности имеют решающее значение для понимания направления, в котором будет происходить расширение теневого сектора экономики. Следует отметить, что данная тенденция может идти в обе стороны (т.е. теневой сектор может и сокращаться), поэтому большое значение имеют начальные условия системы. Например, при первоначальной доле теневого сектора менее 15% с вероятностью 95% соблюдение требований может распространиться по всей сети, став доминирующей социальной нормой и масштаб теневого сектора будет стремиться к нулю.

Силу социальных норм также можно увидеть в тех случаях, когда исходная доля неподчиняющихся агентов установлена на уровне 25%, а коэффициент значимости установлен выше 0,03. Принятие новых социальных норм происходит медленно, но в конечном итоге распространяется по всей сети, образуя несколько крупных центров. Когда первоначальная доля агентов, не соблюдающих требования, является доминирующей, а коэффициент значимости установлен выше 0,03, распространение несоблюдения происходит практически мгновенно. Понятия «медленного» и «быстрого» относительно и зависят от соответствия длины одной итерации реальному времени в экономической системе.

Выводы

Основной вывод, который можно сделать, используя данную модель следующий. Депрессивные российские регионы характеризуются высокой начальной долей неподчиняющихся агентов, а также социальными нормами, порождающими интенсивное стремление к конформизму (то есть с высоким параметром значимости). Динамика между экономическими факторами, такими как зарплаты, доходы и правоприменение, с одной стороны, и культурными отношениями, отсутствием социального и институционального доверия, а также склонностью к социальному конформизму, с другой стороны, превращают эти регионы с максимально высокими масштабами теневой экономики.

Теневую экономическую активность все еще принято анализировать в контексте действий рациональных агентов, которые используют неформальную занятость и возможности уклоняться от уплаты налогов, когда ожидаемая полезность экономических выгод, связанных с несоблюдением требований, превышает их издержки. Выгоды преимущественно представлены налоговой экономией, а затраты представ-

лены административными штрафами. С другой стороны, поведение индивидов в определенной степени регулируется культурой, усвоенными моральными привычками и социальными нормами, которые представляют собой заметный отход от рациональности. Даже когда экономические стимулы могут быть слабыми, широко распространенная культурная традиция, предписывающая низкое социальное доверие, конформизм и неприятие налоговой системы, может привести к росту масштабов теневой экономики.

Когда экономические (например, низкий доход на душу населения, высокое налоговое бремя) и неэкономические стимулы (культурная традиция, основанная на недостатке социального доверия и неприятии налоговой системы) совпадают, то это приводит к резкому росту масштабов теневой экономики, обеспечивая формирование устойчивых трендов. В этой связи решение проблем, связанных с неформальной активностью и уклонения от уплаты налогов требует координации действий органов государственной власти для реализации комплексной программы детеневизации российской экономики.

Литература

1. Ахмедуев А.Ш. Теневая экономика: системный ресурс и фактор торможения социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 152-160.
2. Жевора Ю.И., Трысячный В.И. Формирование базы регионального рынка средств производства в дореформенной ретроспективе // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2009. № 3. С. 152-156.
3. Киреенко А.П., Измайлова М.О. Возможности формирования налоговой культуры в сфере самозанятости // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31. № 1. С. 5-15.
4. Молодых В.А. Готовы ли российские студенты быть законопослушными налогоплательщиками: вопросы налоговой морали // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 5. С. 150-173.
5. Наумов Ю.Г., Латов Ю.В. Экономическая безопасность и теневая экономика. 2016. 202 с.
6. Соколовская Е.В., Соколовский Д.Б. Оценка размеров теневой экономики на региональном уровне как предпосылка регулирования налоговых поступлений // Известия Байкальского государственного университета. 2015. Т. 25. № 3. С. 480-484.
7. Трысячный В.И., Мельников А.Б., Котенев А.Д. Особенности моделирования уровня экономической безопасности мезоуровневых систем // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 6. С. 96-105.
8. Bethencourt C., Kunze L. Tax evasion, social norms, and economic growth // Journal of public economic theory. 2019. V. 21. №. 2. P. 332-346.
9. Di Gioacchino D., Fichera D. Tax evasion and tax morale: A social network analysis // European Journal of Political Economy. 2020. V. 65. P. 101922.
10. Lee K. Morality, tax evasion, and equity // Mathematical Social Sciences. 2016. V. 82. P. 97-104.
11. Lisi G. Tax morale, tax compliance and the optimal tax policy // Economic Analysis and Policy. 2015. V. 45. P. 27-32.
12. Richardson G. The determinants of tax evasion: A cross-country study // Financial crimes: Psychological, technological, and ethical issues. — Cham: Springer International Publishing, 2016. P. 33-57.